

Чжухо проводил Пильсона, которого он теперь называл Сонпилем, до полицейского участка. Офицеры ошеломленно посмотрели на них, что было логично, учитывая, что подростки пришли в полицейский участок, желая вернуть три доллара, которые один из них нашел на улице. В награду они получили горсть конфет. С довольным лицом Сонпиль засунул одну из них себе в рот.

В конце концов, три доллара, которые он пытался вернуть, остались у него. Они узнали, что существует закон об утерянных вещах, согласно которому, если потерянный предмет не забрали в течение определенного периода времени, у нашедшего было законное право оставить предмет себе. А Сонпиль еще и попросил офицеров придержать три доллара до того, как владелец найдется. Офицеры махали руками, показывая, что в этом нет необходимости. После того, как он некоторое время ходил с ними туда-сюда, он положил деньги в ящик для пожертвований на борьбу с детским голодом.

Понаблюдав некоторое время за этой странной сценой, Чжухо пошел домой с мятной конфеткой во рту.

«Ха-ха».

То, что произошло ранее, можно было описать словом «забавно». Он читал книгу Сонпиля раньше. В каждом персонаже был свой шарм. Книга заставила читателей пожалеть их и, в конце концов, сопереживать им.

«Если подумать, книга чем-то напоминает писателя», — подумал он.

Он был в опасности, и это было чем-то странным. Казалось, что его вот-вот поглотит гигантская волна, если он не начнет действовать. Тем не менее, ему не было страшно. На самом деле, он с нетерпением ждал этого нового будущего. Внешний вид Пильсона не был частью прошлого Чжухо. Его жизнь определенно менялась, и благодаря Пильсону неопределенное будущее Чжухо становилось все более красочным.

Он надеялся на будущее, где он будет обсуждать свои работы со своим безрассудным другом.

Для этого ему нужно было выжить в мире литературы. Если его выкинут, как в прошлом, это будущее никогда не наступит.

Чжухо инстинктивно потянулся за ручкой.

— Зачем человек живет? — тихо спрашивал он себя. — В чем был смысл прожитой жизни?

Прежде чем копнуть глубже, он задумался о том, существует ли он на самом деле. Если бы люди больше не могли видеть или слышать человека по имени Чжухо, он бы ничем не отличался от мертвого.

Из гостиной доносился звук. Это были новости. Судя по всему, кто-то выиграл крупную сумму в лотерее.

«Если кого-то нельзя будет услышать, увидеть или заметить его следы, значит ли это, что он все еще существует?»

Конечно.

«Даже если бы это был не я, всегда есть кто-то, кто выигрывает в лотерею».

— Другими словами, не значит ли это, что люди живут даже в невидимых местах? Нет необходимости усложнять это.

Он принял свою недавно созданную импульсивную логическую цепочку.

«Каково это — выиграть в лотерею?» Он спокойно поставил себя в это положение. В голове появились разные мысли. Счастье, страх, гнев, воля к жизни... Но ничего не достигало глубины его сердца.

«Я ничего не получил».

Чжухо рвал на себе волосы. Он посмотрел на листы бумаги, беспорядочно разбросанные по комнате. Они были грязными. Они были потоком его сознания. Что-то осталось незавершенным, и это беспокоило его.

«Я должен попробовать выйти на улицу».

Он быстро переоделся и вышел из дома, чтобы сменить обстановку.

Он бесцельно ходил через холмы и мост. Дождавшись зеленого света, он прошел мимо здания, чтобы добраться до соседнего парка.

Импульсивно он вошел внутрь. Там были дети и их родители. Парк был достаточно большим для игровой площадки и небольшой сцены, там даже был слон в зоопарке.

— Давно я тут не был, — сказал он себе.

Слон протиснулся сквозь вольер, показывая свою заднюю часть людям, наблюдавшим за клеткой. Ребенок крикнул: «Посмотрите сюда!»

Словно поняв, тот опустил голову.

Ребенок начал громко кричать на свою мать. Она в ответ начала пассивно его утешать. Она была занята еще и младшим ребенком, которого держала на руках.

Слон не собирался в ближайшее время поднимать голову, и истерика ребенка, конечно, этого бы не изменила.

Чжухо пошел дальше в парк. В отличие от той части с кричащими детьми, снаружи было тихо и спокойно. Местами виднелись несколько пожилых людей. Воздух также казался каким-то успокаивающим, и темп Чжухо замедлился естественным образом.

Обойдя тонкие деревья, он увидел зеленую лужайку.

«Может, стоит посидеть там», — подумал он, подходя к ней. Но, к сожалению, она была огорожена длинной веревкой. «Не ходите по траве».

«Я думал, чем больше на нее наступают, тем быстрее растет трава», — разочарованно подумал он.

Побродив какое-то время по лужайке, он в конце концов повернул назад. Другого выбора не было.

— Вдохновения нет, теперь по траве нельзя ходить. Сегодня явно не мой день, — проворчал он.

Когда он уже собирался обернуться, он услышал звук.

«Что это было?»

Звук шел откуда-то из места между пожилым человеком и границей лужайки. Тропинка все еще была покрыта коричневыми листьями. Возможно, это было место, где дворники хранили кучи листьев после уборки. Казалось, что время в этом месте остановилось.

Звук продолжал издаваться высоким голосом, таким, что его можно было легко потерять.

Он медленно начал идти по коричневым листьям на звук.

— Йихау!

Звук становился громче по мере того, как он приближался. Между ними он услышал звонкий ритм, не подходивший тонкому нежному голосу. Любопытство подтолкнуло его подойти к звуку еще ближе.

— Ла, ла, ла, — пела женщина. — Ла, ла, тра-ла-ла.

В руках у нее была гитара. Она пела, сидя среди стариков. Среди звука гитары Чжухо наконец-то смог услышать текст.

Ну, не то чтобы это был текст. От начала и до конца девушка пела только «ля, ля, ля». Звучало так, будто она просто заменила весь текст на них.

Женщине на вид было около тридцати, обычная внешность и навыки. Ее игра была только любительской. Даже из вежливости похвалить не получится. Другими словами, она была ужасна. Несмотря на это, пожилые люди аплодировали ее песням. Им это нравилось.

После выступления в течение некоторого времени только с «Ла, ла, ла» и «Хм, мм, мм», она поклонилась своим зрителям, чтобы поблагодарить их. Она была профессионалом.

«Думаю, она не собирается выступать всю ночь», — подумал Чжухо.

Как только женщина перестала петь, в парке снова воцарилась тишина. Старики уходили один за другим, пока их не осталось совсем немного. Это было странное зрелище. Ветра не было. Листья не колосились. Старики тоже не шевелились. Женщина, сходящая со сцены, была единственной, кто двигался.

Чжухо подошел к женщине, когда та открыла футляр для гитары, чтобы положить ее внутрь. Услышав его шаги, она повернулась и посмотрела на него.

— Вам помочь? — спросила женщина с гитарой на плечах.

Не то чтобы ему нужна была помощь. Увидев, что он колеблется, женщина начала убирать свою гитару обратно в футляр.

Наконец, он спросил: «Вы певица?»

— Неа.

— Собираетесь ею стать?

— Неа.

— Тогда хобби?

— Как насчет этого? — Она склонила голову, когда ей задали странный вопрос. К счастью,

вопросы Чжухо, похоже, ее не беспокоили. Ее вообще, казалось, это позабавило.

— Я нахожусь в процессе поиска работы. Я не смогла найти работу в компании, так что я пою и играю на гитаре.

— Так ты в каком-то смысле отдыхаешь?

— Петь и играть на гитаре утомительно.

Она подчеркнула, что что-то утомительное не может быть формой отдыха. Возможно, этот утомительный поступок имел для нее более глубокое значение.

«Трудоустройство».

Чжухо подумал о том, что он недавно видел по телевизору. Группа людей спросила успешного генерального директора: «Как люди, закончившие никому не известную школу, могут найти работу?»

Он ответил: «Это дискриминация, когда к ним относятся так же, как к тем, кто ходил в престижную школу. Эти люди боролись за свои школы».

Камера показала лица тех, кто искал работу после окончания таких школ. Они казались выгоревшими. Возможно, люди все еще могли выгореть, даже если бы не пытались. Возможно, они перегорели именно потому, что не пытались. Это было наказанием за то, что они не старались больше остальных.

Чжухо хотел задать генеральному директору один вопрос: «Как вы определяете объем приложенных усилий?» К сожалению, он не мог получить ответ.

Убрав гитару, женщина встала. Она была ниже, чем Чжухо думал. Издалека она казалась довольно высокой, но, возможно, это было из-за сцены.

— Так почему ты поешь?

— Я не нашла то, что очень хочу делать, так что, да...

У нее не было ничего, чем бы она хотела заниматься, хотя она искала работу. Немного подумав, она продолжила:

— Я думаю, что есть послание, которое я хочу передать.

— Какое?

Она долго молчала, находясь в раздумьях.

— Я не уверена. Может, я и не хочу ничего делать, но все равно хочу кое-что сказать, — с улыбкой наконец ответила женщина. — Я уверена, что когда-нибудь найду это, что бы я ни хотела сказать.

— А слова?

— Я немного стеснялась перед публикой.

«Все же было в порядке. О чем она?» — думал он.

— Ты стесняешься петь?

— Да. Мне кажется, они бы тогда все поняли.

«Что бы они узнали?» Чжухо пришлось проглотить вопрос. Женщине, которая даже не спела слова из-за боязни быть известной, было бы грубо спрашивать что-то еще. Вместо этого он решил перефразировать свою мысль: «У меня есть кое-что, что я хочу скрыть от других».

— Разве не мы все хотим?

— Полагаю, что так.

Вот так разговор и кончился. Хотя сказать больше было нечего, они не покидали своего места. «Что еще?»

Прежде чем Чжухо успел спросить ее, поет ли она в парке каждый день, женщина быстро спросила:

— Как она?

— Как что?

— Моя песня.

«Она хочет услышать комплимент?» — подумал он, глядя на нее. Так же, как и когда она была на сцене, на ее лице не было ни улыбки, ни раздражения. Выражение ее лица было

мягким. Чжухо было трудно понять ее эмоции, так что он решил ответить честно:

— В основном это было «ла-ла-ла», так что трудно сказать.

— Определенно.

Она не была ни разочарована, ни обижена и ответила спокойно, как будто ждала подобного. Увидев это, он не мог не задать вопрос, который не стал спрашивать до этого:

— Ты сказала, что хочешь оставить послание. Ты боишься, что другие узнают, о чем ты думаешь?

— Должно быть. Сердце — заноза в заднице.

Чжухо улыбнулся ее грубому выражению.

— Как думаешь, когда они наконец выйдут? Твои тексты.

— Когда-то выйдут. Я все-таки хочу кое-что сказать.

«Если бы она поняла, что хотела сказать, и набралась смелости сделать это, она бы все еще пела?» — спросил он себя.

— Ты будешь продолжать петь?

— Конечно. Не то чтобы есть что-то, что я хочу делать, — ответила она.

— До каких пор?

— Наверное, пока не умру?

Она улыбнулась, отвечая на его вопрос. Это была обычная улыбка. Даже если у человека не было ничего, что он хотел бы сделать, или не было смелости заявить об этом, он продолжал бы жить. Продолжал жить обычную жизнь.

Со своей обычной улыбкой женщина наконец ушла.

В пространстве безо всякого движения Чжухо продолжал думать.

«Что она хочет сказать? Что за слова в ее текстах, что она так отчаянно хочет скрыть? В любом случае, они, наверное, будут такими же, как она. Наверное, это будут обычные тексты».

<http://tl.rulate.ru/book/27516/2452097>